

УДК 159.9

К ПРОБЛЕМЕ ЕДИНСТВА «АФФЕКТА» И «ИНТЕЛЛЕКТА» В ПСИХОЛОГИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (В ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ)¹

Е.Е. Соколова^{a, b}

^a *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1*

^b *Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, Белгород, ул. Победы, 85*

В продолжение начатой А.Д. Майданским дискуссии и в контексте обсуждения двух главных для психологии вопросов – о природе психического и возможных психологических механизмах поступка – анализируется представленное в школе А.Н. Леонтьева решение проблемы соотношения «аффекта» (мотивационно-эмоциональных аспектов психики субъекта) и «интеллекта» (когнитивной ее составляющей). Показана связь этого решения с этическим учением Б. Спинозы и «вершинной психологией» Л.С. Выготского.

Ключевые слова: деятельность; психика; мотив; аффект; ориентировочная деятельность; смысл; поступок; личность; деятельностный подход в психологии.

Введение

Развитие научной мысли невозможно вне контекста дискуссий с представителями «оппонентного круга» ученого – неформальной коммуникативной структуры, внутри которой не только оттачиваются положения развиваемой тем или иным автором концепции, но и возникают новые повороты в его исследованиях, способные иногда привести к совершенно новым взглядам, вплоть до научного открытия [1]. Особенно интересной и продуктивной является, на наш взгляд, полемика ученого с представителями «внутреннего» оппонентного круга. Именно в этом контексте следует рассматривать предлагаемый вниманию читателя текст, являющийся откликом на статью А.Д. Майданского [2], в которой поднимаются существенные и значимые для сторонников культурно-деятельностной психологии вопросы, не имеющие до сих пор общепринятого в рамках данного направления решения.

Хотя указанная статья была в основном посвящена анализу некоторых психологических идей Э.В. Ильенкова, в ней также затронуты сопряженные с ними положения общепсихологической теории деятельности школы А.Н. Леонтьева. Именно на них хотелось бы остановиться в настоящей ра-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 20-18-00028 «Культурно-историческая психология в архивах ее творцов».

боте, представив авторское видение упомянутых А.Д. Майданским идей данной школы, ответил по ходу дела и на его критику некоторых изложенных в нашей статье [3] положений. Обсуждению подвергнутся два тезиса статьи А.Д. Майданского, каждому из которых будет посвящен отдельный раздел представленной работы.

Является ли психика как ориентировка исключительно когнитивным образованием?

Совершенно справедливо утверждая, что «Ильенков принадлежал к “деятельностной” ветви культурно-исторической психологии», А.Д. Майданский считает, что философ (подобно лидерам этого психологического направления А.Н. Леонтьеву и П.Я. Гальперину) видел в психике исключительно форму познавательной (или «поисковой», «исследовательской», «ориентировочной») деятельности; соответственно, в этой «когнитивной картине психики» аффектам отводилась «в лучшем случае периферийная роль» (см.: [2. С. 23]). В отличие от перечисленных авторов, пишет далее А.Д. Майданский, Л.С. Выготский, напротив, считал аффект «альфой и омегой» развития психики и, соответственно, краеугольным камнем научной психологии. Однако, на наш взгляд, анализ творческого наследия лидеров «деятельностной ветви» культурно-исторической психологии не дает основания считать высказанные о них суждения справедливыми.

Ни А.Н. Леонтьев, ни П.Я. Гальперин вовсе не сводили психику, понимаемую как ориентировочная деятельность, к познавательным процессам как таковым. Рассматривая возникновение и развитие психики в филогенезе, А.Н. Леонтьев писал, что исходно в первичной чувственности «познавательные и аффективные моменты слиты» [4. С. 151–152]. Аналогичное он утверждал в своих лекциях по общей психологии 1970-х гг., самокритично подчеркнув, что это недостаточно было прописано в «Проблемах развития психики»: «Первоначальные формы чувствительности обладают не только недостаточной дифференцированностью, не только носят диффузный характер, но они, в отличие от того, что мы имеем в виду под ощущениями в обыденной жизни, не отделены от “чувствований” и “аффектов”» [5. С. 51]. Именно поэтому, говорил А.Н. Леонтьев своим слушателям, он больше любит слово «чувствительность», а не «ощущение»: в русском слове «чувствительность» счастливым образом соединились оба значения – чувствительность в смысле ощущения («органы чувств») и в смысле эмоционального переживания («чувство»). Однако и на более поздних этапах развития психики как ориентировочной деятельности сохраняется аналогичное единство, хотя психическая жизнь, включая эмоциональные состояния, становится более дифференцированной.

В свою очередь, П.Я. Гальперин в лекциях на философском факультете МГУ в начале 1970-х гг. представил структуру ориентировочной деятельности субъекта в единстве ее мотивационной и операционной составляющих и подробно описал «компоненты» последней:

- 1) построение образа наличной ситуации;
- 2) выяснение значения отдельных компонентов ситуации «для актуальных интересов действующего субъекта»;
- 3) составление плана предстоящих действий;
- 4) дальнейшая ориентация действия в процессе его выполнения (см.: [6. С. 149]).

Даже из этого простого перечисления (без раскрытия) компонентов операционной составляющей ориентировки видно, как тесно связаны когнитивные моменты с мотивационной системой¹ и тем самым с тем, что называлось у Л.С. Выготского термином «аффект» (эмоциями в широком смысле слова), поскольку в деятельностной психологии эмоции, как известно, рассматривались как «внутренние сигналы». Внутренние в том смысле, подчеркивал А.Н. Леонтьев, что они отражают не предметную действительность напрямую, а «отношения между мотивами (потребностями) и успехом или возможностью успешной реализации отвечающей им деятельности субъекта» [4. С. 151], и, соответственно, «метят» на своем языке предметные ситуации и отдельные объекты [Там же. С. 152]. Впрочем, и А.Д. Майданский подчеркнул в своей статье, что животное и человек не замечают предметы «аффективно нейтральные» [2. С. 23]. Уже отсюда должен был бы следовать вывод, что «интеллект» и «аффект» в ориентировочной (поисковой, исследовательской и прочей) деятельности неотделимы друг от друга.

По нашему мнению, определение психического через понятие смысла в еще большей степени подчеркивает единство познания субъектом предмета деятельности и его отношения к данному предмету. Значение категории «смысл» для психологической науки А.Н. Леонтьев сравнивал со значимостью понятия «стоимость» для политической экономии: «Говоря о деятельности, рассматривая ее развитие и отдельные ее формы, но не вводя понятие смысла, мы поступили бы так же, как экономист, рассматривающий процесс обмена, его развитие и его формы, но ничего не желающий слышать о стоимости» [4. С. 235]. Ученый определял смысл как субъективно-объективную категорию, поскольку смысл «не есть для нас нечто взятое абстрактно от реального субъекта, но это не есть для нас и категория чисто субъективная, т.е. категория, относящаяся к субъекту, рассматриваемому в абстракции, в его замкнутости и отдаленности от окружающего мира» [8. С. 97]. Иначе говоря, смысл «всегда есть смысл *чего-то* и *для кого-то*, смысл определенных воздействий, фактов, явлений объективной действительности для конкретного, живущего в этой действительности субъекта» [Там же].

Соответственно, психику во всех ее ипостасях следует рассматривать с позиций теории деятельности как процессы и явления смысловой природы.

¹ Аналогичное подчеркивал и сторонник многих идей П.Я. Гальперина В.К. Вилюнас: ориентировка в различных ситуациях всегда «находится под контролем процессов мотивации, порой решающим образом сказывающихся на способе разрешения ситуаций» [7. С. 39]. Иначе говоря, любой когнитивный процесс всегда в той или иной степени пристрастен («аффективно нагружен»).

Это явствует хотя бы из одного определения психической деятельности самим А.Н. Леонтьевым: «Понятие смысла означает отношение, возникающее вместе с возникновением той формы жизни, которая необходимо связана с психическим отражением действительности, т.е. вместе с психикой. Это и есть *специфическое* для этой формы жизни отношение. Осмысленная, т.е. подчиняющаяся этому отношению деятельность *и есть* деятельность психическая» [4. С. 232]. В филогенезе исходной формой смысла является, в терминологии А.Н. Леонтьева, «биологический смысл» (мир выступает для животных как пространство биологических смыслов, которые имеют как свое филогенетическое, так и онтогенетическое развитие). У человека появляются «разумные» (осознаваемые, сознательные) смыслы, а затем и собственно личностные смыслы¹. Одной из форм существования смысла того или иного объекта для субъекта является эмоция.

Возвращаясь к обсуждаемой проблеме соотношения «интеллекта» и «аффекта» в творчестве А.Н. Леонтьева, следует отметить, что противники (а зачастую и соратники) упрекали его как раз в слишком большом внимании именно к «аффекту» (мотивационной обусловленности ориентировочной деятельности), а не к «интеллекту» (т.е. главным образом к «операционально-техническому» составу этой деятельности). Одним из оппонентов А.Н. Леонтьева в этом вопросе был П.Я. Гальперин². Еще больше критики в адрес А.Н. Леонтьева было со стороны представителей его «внешнего» оппонентного круга, что стало особенно очевидным во время известной дискуссии 1948 г. по книге А.Н. Леонтьева «Очерк развития психики» (крайне интересные – и не только для историков психологии – стенограммы этой дискуссии, к сожалению, до сих пор не опубликованы). Так, например, в своем выступлении, обсуждая решение автором «Очерка» проблемы соотношения значений и смыслов в структуре сознания, Н.А. Менчинская упрекнула А.Н. Леонтьева в том, что в его творчестве «роль мотивов в психике и поведении человека непомерно раздувается» [16. Л. 134] и что А.Н. Леонтьев отрицает «воспитывающую роль знаний», т.е., в терминологии автора «Очерка», значений [Там же. Л. 136]. Однако участвовавшие в той же дискуссии М.Н. Скаткин, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин и некоторые другие выступающие не увидели в исследованиях А.Н. Леонтьева никакого отрыва значений от смыслов, операционально-технической стороны деятельности от ее мотивационной составляющей. Более того, упомянутые докладчики подчеркивали, что особенности операционально-технической стороны деятельности напрямую обусловлены мотивационно-

¹ Различение «разумных» и личностных смыслов мы впервые проблематизировали в [9]. Близкое к данному разведение двух видов смыслов сделал чуть позже Д.А. Леонтьев [10], а подробное обоснование подобного различения мы встретили в недавно вышедшей книге Е.Ю. Пятаевой [11. С. 306 и далее].

² Подробнее см.: [12–14]. Вместе с тем П.Я. Гальперин самокритично замечал: «Я про себя мог сказать с таким же упреком, что до недавнего времени мы таким же безразличным образом относились к мотивации» [15. С. 163], например, считая неважным, каким образом вовлечь ребенка в работу (с помощью обещания какой-либо награды или соревнования и т.п.).

эмоциональной ее стороной. В практике школьного обучения, подчеркивали они, это означает необходимость организации такой деятельности учащихся, в которой усваиваемые ими знания приобретут для них действительный смысл.

Некоторое время спустя многочисленные исследования школы О.К. Тихомирова весьма убедительно опровергли возможность изучения операциональной стороны психической деятельности в отрыве от мотивационной ее стороны (равно как и наоборот) и поставили под сомнение дихотомию «предметного» и «смыслового» как двух *разных* форм регуляции деятельности¹. Неслучайно поэтому психологическую теорию мышления, разработанную и разрабатываемую до сих пор школой О.К. Тихомирова на основе развития фундаментальных положений концепции А.Н. Леонтьева [17], стали называть «смысловой теорией мышления».

Сделаем общий вывод из проведенного нами в данном разделе анализа: если понимать, в соответствии с духом деятельностного подхода школы А.Н. Леонтьева, психику как ориентировочную функцию (функциональный орган) структуры *всей* деятельности, то никакого противопоставления «мотивационно-эмоциональной» и «операционально-технической» составляющих психического даже и не может быть, они всегда существуют в единстве и поэтому просто невозможно изучать одну в отдаленности от другой. Завершим данный раздел цитатой из «Методологических тетрадей» А.Н. Леонтьева, которая в несколько ином контексте подчеркивает данное единство: «Мотивы – чувство, цели – воля, средства – ум, – так мы возвратились к классической триаде, сняв ее как тройную способность души и раскрыв ее в ее действительном содержании» [8. С. 220].

Был ли А.Н. Леонтьев в конфронтации со Спинозистом Л.С. Выготским?

Еще одним дискуссионным моментом статьи А.Д. Майданского является его утверждение, что «Леонтьев осудил своего учителя Выготского за “поворот к Спинозе”» и даже «вступил в конфронтацию со Спинозистом Выготским» [2. С. 23]. При этом, по мнению автора статьи, у Л.С. Выготского был поворот к «вершинной психологии», выдвинувшей на первый план Спинозовское понятие свободы воли как разумного овладения аффектами, тогда как А.Н. Леонтьев и его соратники (Э.В. Ильенков, П.Я. Гальперин, А.И. Мещеряков) прошли мимо «вершинной» Спинозовской проблематики – «разум против рабства страстей» [Там же. С. 27]. Но так ли это?

¹ Мотивационно-эмоциональная (мотивационно-смысловая) «составляющая» деятельности не менее предметна, чем операционально-техническая. Напротив, операционально-технические составляющие деятельности не менее осмысленны, чем «духовные», по выражению В.П. Зинченко, уровни структуры деятельности. Неслучайно в текстах А.Н. Леонтьева можно найти указания на «большие» и «малые» смыслы, а именно смыслы деятельности, действия и операции (см.: [8. С. 210]), и широко известные определения мотива как *предмета* потребности.

Прежде всего стоит сказать о том, что никакого «осуждения» Л.С. Выготского за поворот к Спинозе мы в высказываниях А.Н. Леонтьева, на которые ссылается А.Д. Майданский, не усматриваем. Откроем текст «устной биографии» А.Н. Леонтьева: ее автор, действительно, говорит о том, что возникла конфронтация двух «линий»: «моя линия: возвращение к исходным тезисам и разработка их в новом направлении» [18. С. 375], а именно к исследованию «дела», практического интеллекта, «практики» в целом; линия Л.С. Выготского: «жизнь аффектов; отсюда поворот к Спинозе» [Там же. С. 376]. Где же здесь «осуждение»? Это просто констатация факта, что для обсуждения тематики «аффекта» Л.С. Выготскому понадобилось обратиться к системе идей величайшего мыслителя XVII в. (см. также упоминание Леонтьевым связи идей Л.С. Выготского и Спинозы: [8. С. 37]). Другое дело, что в своих работах А.Н. Леонтьев, соглашаясь с высказываниями Л.С. Выготского о том, что за сознанием лежит жизнь, не может принять понимание Л.С. Выготским сути этой «жизни» как «жизни аффектов» как таковых¹.

«Аффект – не движущая сила, – утверждает А.Н. Леонтьев в “Материалах о сознании” (рукописи 1940–1941 гг.). – Развитие аффектов действительно состоит в овладении аффектами (в значении осознания)» [8. С. 40]. Но, приняв во внимание, что «аффект» (эмоция) отражает отношение между мотивами и возможностью успеха (или достигнутым успехом) отвечающей этим мотивам деятельности субъекта и что, соответственно, «эмоции не подчиняют себе деятельность, а являются ее результатом и “механизмом” ее движения» [4. С. 150], А.Н. Леонтьев считает, что «овладение аффектами» возможно только при осознании мотивов, стоящих за эмоциями, и дальнейшей работе с ними². Подчеркнем, что процесс осознания мотивов и их соотношения друг с другом возникает, согласно А.Н. Леонтьеву, лишь на уровне личности и постоянно воспроизводится в процессе ее развития; для самых маленьких детей данной задачи не существует вовсе (см.: [Там же. С. 156]).

¹ Много позже А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия в предисловии к изданию избранных произведений своего учителя еще раз подчеркнут, в чем состояла ограниченность указанной позиции Л.С. Выготского: «Проблему исследования роли аффекта он ставил в плане дальнейшего расширения психологической характеристики значения как “единицы сознания”» [19. С. 23]. Можно поспорить с авторами предисловия, насколько это было «расширение психологической характеристики» именно значения, а не введение новой единицы анализа сознания, которую, скорее, можно соотнести с понятием «смысл» в леонтьевском его понимании. Да и сам Л.С. Выготский в своих записных книжках, ставя перед собой задачу «найти единицу» единства аффекта и интеллекта (см.: [20. С. 566]), указывал, что «она не соответствует единице значения: есть две интерферирующие системы единиц в мышлении» [Там же. С. 571]. Вместе с тем стоит заметить, что поиски Л.С. Выготским решения проблемы «интеллекта и аффекта» и – шире – проблемы движущих сил развития личности были оборваны ранней смертью ученого, и неизвестно еще, в каком направлении развивалась бы мысль Выготского, проживи он дольше. Леонтьев был убежден, что это был бы возврат к «исходному движению», а именно к движению от дела к слову, от деятельности к переживанию (см.: [21. С. 15]).

² Именно поэтому А.Н. Леонтьеву кажется «ложным» идеал воспитания, сводящийся к требованию «подчинять чувства холодному рассудку» [4. С. 152].

Осознание мотивов может привести к перестройке мотивационной сферы человека, а возникшие противоречия в этой сфере могут разрешиться в форме поступка, совершение которого приводит, в свою очередь, к изменению самосознания личности [8, 22–24]. Именно здесь психология, пишет А.Н. Леонтьев, «смыкается... с проблемами человеческой *этики*. Она становится наукой о жизни человека» [8. С. 210].

Таким образом, А.Н. Леонтьев вовсе не «прошел мимо» «вершинной» проблематики Б. Спинозы, который, как справедливо указывает А.Д. Майданский, назвал главный свой труд «Этикой» (а не «Метафизикой»). Правда, в силу разных причин, в том числе социокультурного свойства, эта проблематика представлена лишь в небольшом круге печатных работ Леонтьева. Тем не менее в них излагаются важнейшие для «вершинной психологии» рассуждения о личности как особой реальности, о ее структуре, о природе воли и психологии поступка и другие – идеи, которые впоследствии так или иначе были развиты учениками и последователями А.Н. Леонтьева (А.Г. Асмоловым, Б.С. Братусем, Ф.Е. Василюком, Ю.Б. Гиппенрейтер, Д.А. Леонтьевым, В.А. Петровским, В.В. Столиным и др.; подробнее см.: [18. С. 200–209]).

Покажем теперь, насколько это позволяют объем и жанр нашей статьи, какой вклад внесла школа А.Н. Леонтьева в «вершинную психологию» и как может быть с позиций указанной школы истолкована на конкретно-психологическом уровне формула Б. Спинозы – Л.С. Выготского о «свободе воли» как разумном овладении аффектами. Речь пойдет прежде всего о психологии поступка как единицы анализа жизни личности в самом узком и точном значении слова «личность».

Поступок определялся А.Н. Леонтьевым как действие, входящее «в двоякую структуру» (в разные системы отношений) и поэтому полимотивированное (см.: [Там же. С. 202]). Разводя в позднейшей работе (лекции «Воля») поступок и волевое действие [22], А.Н. Леонтьев называл поступком не всякое полимотивированное действие, а такое, различные мотивы которого имеют одинаковые «аффективные знаки» (положительные или отрицательные), в отличие от волевого действия, которое предполагает борьбу между двумя мотивами, имеющими «разные аффективные знаки».

Первый вариант мотивационного выбора в ситуации поступка (между альтернативными «хочу сделать то» и «хочу сделать это», причем выбор одного из вариантов означает отказ от другого) можно проиллюстрировать анекдотом, приводимым А.Н. Леонтьевым: «Перед Спенсером стоит дилемма: либо ехать в Австралию, либо жениться и остаться в Англии¹. Спенсер принимает решение на основе изобретенной им “моральной арифметики”: обстоятельства отъезда, равно как и обстоятельства женитьбы и пребывания в Англии, он баллирует по каждому пункту, расценивая

¹ Упомянутый А.Н. Леонтьевым Герберт Спенсер никогда не был женат. Рассказанный анекдот имеет определенное отношение к другому человеку – Чарльзу Дарвину, который действительно принимал решение о своей возможной женитьбе, подсчитывая все «за» и «против».

их каким-то количеством очков, затем сосчитывает очки. Выходит, что больше пунктов собирает решение ехать в Австралию. Он остается в Англии и женится» [22. С. 5]¹. Второй вариант мотивационного выбора (не хочу делать ни того, ни другого, но выбор между двумя действиями все равно должен быть осуществлен – обстоятельства жизни этого требуют) хорошо представляет поговорка «из двух зол выбирай меньшее» (при этом выбор «одного из зол» также означает отказ от другого – и наоборот). Ситуацию волевого действия можно усмотреть в другом приводимом А.Н. Леонтьевым анекдоте: на вопрос офицера, почему денщик кричит и стонет, тот отвечает, что хочет пить, но «идти не хочется». Тогда офицер приказывает денщику принести стакан воды. Денщик тут же срывается с места и приносит требуемое. Офицер заставляет его выпить воды, денщик выпивает и успокаивается (см.: [Там же. С. 14]).

Если волевое действие обычно связано с внешним социальным принуждением, хотя, возможно, уже и интериоризированным², то поступок – это свободное действие самоопределения личности³ (в идеале – жизнь-подвиг), и в таком случае вряд ли уместно называть это действие (термин «деяние» здесь больше подходит) в строгом смысле слова «волевым». Поскольку в основании поступка лежит конфликт мотивов, возникает вопрос о том, что же позволяет личности сделать в конечном счете выбор одного из них. Указания на возможный психологический механизм совершения поступка содержатся в ряде поздних работ А.Н. Леонтьева, но наибольшую разработку в школе А.Н. Леонтьева эта проблема получила в исследованиях В.А. Иванниковым волевых действий. Несмотря на то, что выше мы развели понятия «волевое действие» и «поступок», механизмы мотивационного выбора в том и другом случае имеют, на наш взгляд, некие сходные общие черты. В.А. Иванниковым было эмпирически доказано, что при наличии двух (или более) мотивов выбор одного из них осуществляется благодаря включению этого мотива в более широкую систему ценностно-мотивационных образований и тем самым изменению его смысла и / или приобретению им нового смысла и, соответственно, дополнительной побудительной силы (см., напр.: [27. С. 85]). Как любил говорить А.Н. Леонтьев, подобный выбор совершается не с помощью «арифметики» мотивов:

¹ Аналогичный выбор, указывает А.Н. Леонтьев, делает Пьер Безухов. Он колеблется, оставлять ли ему Москву вместе с войсками или оставаться в Москве, занимаемой Наполеоном. Он раскладывает пасьянс, получает определенный ответ на вопрос – и делает наоборот (см.: [Там же. С. 5]).

² Приведем пример подобного действия: обучающиеся музыке девочки «волевым образом» (т.е. заставляя себя, подчиняясь не только требованиям извне, но и «самоприказам») занимались по несколько часов в день игрой на фортепиано, однако, окончив музыкальную школу, с радостью закрывали фортепиано навсегда (см.: [25. С. 86]).

³ Действие можно назвать «свободным», если оно: 1) осознанно, т.е. субъект понимает внешние и внутренние причины своего действия; 2) аксиологично, т.е. опосредствованно ценностным «для чего»; 3) полностью управляемо самим субъектом, т.е. субъект в любой момент может прекратить действие или обратить его в свою противоположность (см.: [26. С. 51–52]).

именно субъект принимает то или иное свободное и ответственное решение на свой страх и риск¹.

Однако нельзя говорить при этом, что данное решение вообще ничем не детерминировано. Оно обусловлено осознанным «взвешиванием» значимых для субъекта мотивов, если можно так выразиться, «на смысловых весах» и в конечном счете выбором человеком того мотива, который приобрел в ходе этого процесса для него больший «смысловой вес». А подлинный смысл, как подчеркивал, в свою очередь, В. Франкл, всегда выходит за пределы собственного Я. В этой связи рискнем предложить свой вариант объяснения сделанного человеком (называемым А.Н. Леонтьевым в рассказанной им истории Гербертом Спенсером) выбора вопреки более выгодному для себя при подсчете «очков» варианту. Думается, что решение остаться в Англии было обусловлено тем, что мужчина подумал не о себе, т.е. не о своих возможных выгодах, а о любимой невесте, которая станет несчастной, если он уедет в Австралию.

В школе А.Н. Леонтьева поступок вообще рассматривается всегда как со-бытие, т.е. как «двухсубъектное» действие, которое строится в расчете на другого, предполагает другого и смысл которого определяется мерой участия человека в жизни других людей и всего человечества в целом (см., напр.: [28; 29]). По мнению А.Н. Леонтьева, самым «вершинным» (в смысле Л.С. Выготского) стремлением человека как раз и является его стремление стать «человеком человечества» [4. С. 168]. А оно, в свою очередь, обусловлено, как утверждает Д.А. Леонтьев, не всегда осознаваемой подспудной потребностью человека в бессмертии (см.: [30. С. 157]). Об аналогичном стремлении писали еще раньше А.В. Петровский и В.А. Петровский, называя это потребностью «быть личностью» [31]. Важно подчеркнуть, что данная потребность не является врожденной: она формируется в онтогенезе в процессе становления личности.

При этом, совершая свой уникальный и неповторимый, свободный и ответственный поступок, человек все равно остается социальным существом, даже если (в период «второго рождения личности») происходит его «смысловая эмансипация – выработка личностью собственных смысловых оснований жизнедеятельности, не обязательно совпадающих со смысловыми основаниями, усвоенными от семьи и других референтных социальных групп» [32. С. 80]. Об этом когда-то говорил и Л.С. Выготский: «Индивидуальное личностное – не contra, а высшая форма социальности» [33. С. 54]. Однако теперь «референтной группой» может стать иной социум, нежели, возможно, ближнее окружение индивида; это, скорее, некое идеальное общество референтных для человека субъектов, в пределе – человечество.

Приобщившись к жизни человечества, индивид приобретает реальную возможность выйти за пределы своего конечного (ограниченного про-

¹ Как неоднократно отмечалось в литературе (в работах В. Франкла, Э. Фромма, Д.А. Леонтьева и др.), свобода и ответственность – две стороны одной медали, и противоречие между свободой и ответственностью в высших, развитых их формах невозможно.

странственно-временными рамками) существования, поскольку начинает жить в созданных им произведениях материальной и духовной культуры (см.: [30. С. 157]) и в других личностях (см.: [34. С. 61]). Поэтому А.Н. Леонтьев всегда подчеркивал, что мера развития единичного человека определяется тем, насколько он действительно становится «человеком Человечества» [35. С. 384]. Именно приобщенность индивидуальной человеческой жизни к жизни других людей и человечества в целом и придает этой жизни неповторимый смысл и дает человеку действительную свободу в плане выбора своего собственного пути. К тому же именно человечество, а не отдельный индивид и не отдельная социальная группа, согласно воззрениям диалектиков в философии и психологии, является подлинным субъектом научного познания. И поскольку, согласно учению школы А.Н. Леонтьева, в деятельности любого человека мотивационно-эмоциональное («аффект») и когнитивное («интеллект») нераздельны, они, как правило, соразмерны друг другу: высшие формы эмоциональной регуляции, преодолевая низшие, корреспондируют с высшими формами познания мира как целого [36, 37]. Соответственно, критерием истины в конечном счете является не «полезность» ее для отдельного индивида или группы, а общечеловеческая практика в ее историческом развитии.

Не об этом ли писал Спиноза, когда говорил о «познавательной любви к богу» [38. С. 610] как, по сути, о единстве «интеллекта» и «аффекта»? Мудрец стремится к соразмерности аффектов в соответствии с разумным познанием мира, и, наоборот, познание мира (субстанции, бога, природы) в его необходимости приводит к ни с чем не сравнимому аффекту любви к богу (субстанции, природе): *«высшее стремление души и высшая ее добродетель состоят в познании вещей по третьему роду познания»*, и *«из этого третьего рода познания возникает высшее душевное удовлетворение, какое только может быть»* [Там же. С. 606–607]. Подобное познание, согласно Спинозе, «если и не совершенно уничтожает аффекты, составляющие пассивные состояния <...>, то по крайней мере достигает того, что они составляют наименьшую часть души» [Там же. С. 604]. Таков, по Спинозе, путь к подлинной свободе человека, а именно и прежде всего к свободе от «низших» аффектов, к которым человек может попасть в своеобразное рабство.

Так что овладение аффектами, если использовать эту терминологию, вовсе не означает избавления от аффектов вообще – неслучайно так возвышающий Спинозу Л.С. Выготский любил повторять: «Никакое большое дело не делается без большого чувства».

Заключение

Настоящий текст, поводом к написанию которого послужила статья А.Д. Майданского, имел своей главной целью актуализировать обсуждение дискуссионных моментов культурно-деятельностной психологии, особенно в отношении положений общепсихологической теории деятельности

А.Н. Леонтьева, которые – в отличие от творческого наследия Л.С. Выготского – крайне редко становятся предметом обсуждения не только в зарубежной, но и в современной отечественной литературе. Между тем прояснение основных принципов проведенных и проводимых до сих пор с позиций теории деятельности школы А.Н. Леонтьева исследований помогает в ином свете понять и психологические идеи крупнейшего диалектика XX в. Э.В. Ильенкова, о котором в основном шла речь в статье А.Д. Майданского.

Мы затронули в нашей работе только проблему, обозначенную в ее названии, а именно проблему соотношения «аффекта» (мотивационно-эмоциональной стороны психики как функции деятельности субъекта) и «интеллекта» (когнитивной ее составляющей), и пытались показать, как именно решается данная проблема в школе А.Н. Леонтьева в контексте обсуждения двух главнейших для психологии вопросов: о природе психического и о возможных механизмах поступка как деяния личности в самом узком смысле слова «личность». Было показано, что понимание в школе А.Н. Леонтьева психики как «ориентировочной деятельности» (точнее – ориентировочно-регулирующей функции, или функционального органа, деятельности) не означает ее сведения лишь к познавательным процессам, поскольку любой процесс ориентировки всегда аффективно нагружен, т.е. определяется мотивами деятельности субъекта. Утверждалось также, что подобное единство «аффекта» и «интеллекта» в психической деятельности лучше всего передается через понятие «смысл». А поскольку аффект (эмоция в широком смысле слова) является субъективной формой существования мотивации, постольку проблема «овладения аффектами» преобразуется в проблему осознания (осмысления) собственных мотивов деятельности и возможной перестройки иерархии мотивов, что лучше всего представлено в ситуации поступка. Поступок как ответственное и свободное действие (деяние) личности совершается путем выбора субъектом одного из значимых для него мотивов, который приобретает новый смысл (и тем самым дополнительную побудительную силу) благодаря включению его в более «высокую» систему ценностей, в пределе – в общечеловеческие ценности.

Тем самым формула Б. Спинозы – Л.С. Выготского о свободе воли как о разумном овладении аффектами уточняется и наполняется конкретно-психологическим содержанием, что является частью вклада школы А.Н. Леонтьева в «вершинную» психологию, на создание которой было нацелено все творчество Л.С. Выготского. На наш взгляд, из всего вышесказанного можно сделать общий вывод о том, что психология деятельности школы А.Н. Леонтьева развивала и развивает именно «линию спинозизма» в психологии, и «оживление» спинозизма в марксистской психологии, необходимость которого так подчеркивал в свое время Л.С. Выготский, видится нам не только в использовании в школе А.Н. Леонтьева принципов деятельности, монизма и детерминизма, о чем писал А.Д. Майданский (см.: [2. С. 23]), излагая представленную в нашей статье [3] позицию, но и в антикартезианском решении в рамках этой школы тех психологических

проблем, которые прямо смыкаются с этическим учением Спинозы об аффектах и человеческой свободе.

Литература

1. Ярошевский М.Г. Оппонентный круг и научное открытие // Вопросы философии. 1983. № 10. С. 49–61.
2. Майданский А.Д. Онтогенез человеческой психики и языка в работах Э.В. Ильенкова // Сибирский психологический журнал. 2020. № 76. С. 20–31. DOI: 10.17223/17267080/76/2
3. Соколова Е.Е. Как А.Н. Леонтьев оживил спинозизм в марксистской психологии, или О неявном философском основании теории деятельности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16, № 4. С. 654–673. DOI: 10.17323/1813-8918-2019-4-654-673
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Смысл, 2005. 352 с.
5. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М. : Смысл, 2000. 511 с.
6. Гальперин П.Я. Лекции по психологии. М. : КДУ ; Высшая школа, 2002. 400 с.
7. Виллюнас В.К. Психология развития мотивации. СПб. : Речь, 2006. 458 с.
8. Леонтьев А.Н. Философия психологии : из научного наследия / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. 228 с.
9. Соколова Е.Е. К проблеме непротиворечивого определения предмета психологии в школе А.Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2003. № 2. С. 32–49.
10. Леонтьев Д.А. Новые горизонты проблемы смысла в психологии // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию В. Франкла) : материалы междунар. конф. (Москва, 19–21 мая 2005 г.) / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2005. С. 36–49.
11. Патяева Е.Ю. Порождение действия: культурно-деятельностный подход к мотивации человека. М. : Смысл, 2018. 815 с.
12. Соколова Е.Е. К определению понятия «психическая деятельность»: теоретический анализ дискуссий между А.Н. Леонтьевым и П.Я. Гальпериным // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1998. № 4. С. 3–13.
13. Нечаев Н.Н. А.Н. Леонтьев и П.Я. Гальперин: диалог во времени // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 50–69.
14. Зинченко В.П. Петр Яковлевич Гальперин: от действия с заданными свойствами к свободной мысли // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания : к 80-летию Владимира Петровича Зинченко / под общ. ред. Т.Г. Щедриной. М. : РОССПЭН, 2011. С. 387–412.
15. Научный архив: Дискуссия о проблемах деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы : сб. науч. тр. / под ред. В.В. Давыдова, Д.А. Леонтьева. М. : Изд-во АПН СССР, 1990. С. 134–169.
16. Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 103 [Протоколы №№ 3–5 совместных заседаний Ученого совета Института психологии и кафедры психологии МГУ им. М.В. Ломоносова по обсуждению книги А.Н. Леонтьева «Очерк развития психики»]. 1948. 238 л.
17. Тихомиров О.К., Бабаева Ю.Д., Березанская Н.Б., Васильев И.А., Войсунский А.Е. Развитие деятельностного подхода в психологии мышления // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии (школа А.Н. Леонтьева) / под ред. А.Е. Войсунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М. : Смысл, 1999. С. 191–234.
18. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М. : Смысл, 2005. 431 с.

19. Леонтьев А.Н., Лурия А.Р. Психологические воззрения Л.С. Выготского // Выготский Л.С. Избранные психологические исследования : Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка / под ред. А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1956. С. 4–36.
20. Выготский Л.С. Записные книжки. Избранное / под общ. ред. Е. Завершиной, Р. ван дер Веера. М. : Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 608 с.
21. Интервью с Алексеем Николаевичем Леонтьевым. Беседовал – Михаил Григорьевич Ярошевский (из неопубликованного) // Культурно-историческая психология. 2013. № 4. С. 2–25.
22. Леонтьев А.Н. Воля // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1993. № 2. С. 3–14.
23. Столин В.В. Самосознание личности. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 252 с.
24. Соколова Е.Е. Идеи А.Н. Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии (школа А.Н. Леонтьева) / под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М. : Смысл, 1999. С. 80–117.
25. Гиппенрейтер Ю.Б. Деятельностный подход к воле: альтернативы // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / под ред. А.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2006. С. 80–91.
26. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. 2-е изд. М. : Смысл, 1997. 64 с.
27. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. 140 с.
28. Эльконин Б.Д. О природе человеческого действия // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1989. № 4. С. 25–39.
29. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). М. : Тривола, 1994. 168 с.
30. Леонтьев Д.А. Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М. : Смысл, 1997. С. 156–176.
31. Петровский А.В., Петровский В.А. Индивид и его потребность «быть личностью» // Вопросы философии. 1982. № 3. С. 44–53.
32. Леонтьев Д.А. Становление саморегуляции как основа психологического развития: эволюционный аспект // Субъект и личность в психологии саморегуляции : сб. науч. тр. / под ред. В.И. Моросановой. М.–Ставрополь : Изд-во ПИ РАО ; СевКавГТУ, 2007. С. 68–84.
33. Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1986. № 1. С. 52–65.
34. Психология развивающейся личности / под ред. А.В. Петровского. М. : Педагогика, 1987. 240 с.
35. Леонтьев А.Н. Начало личности – поступок // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 1. С. 381–385.
36. Леонтьев Д.А. Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, вып. 3. С. 120–140.
37. Леонтьев Д.А. Личность как преодоление индивидуальности: контуры неклассической психологии личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / под ред. А.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2006. С. 134–147.
38. Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избранные произведения : в 2 т. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 359–618.

*Поступила в редакцию 31.07.2020 г.; повторно 10.09.2021 г.;
принята 13.09.2021 г.*

Соколова Елена Евгеньевна – доктор психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; научный сотрудник Белгородского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: ees-msu@mail.ru

For citation: Sokolova, E.E. On the Problem of the Unity of "Affect" and "Intellect" in Activity Psychology (In the Continuation of the Discussion). *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2021; 82: 20–36. doi: 10.17223/17267080/82/2. In Russian. English Summary

On the Problem of the Unity of "Affect" and "Intellect" in Activity Psychology (In the Continuation of the Discussion)¹

E.E. Sokolova^{a, b}

^a *Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

^b *Belgorod State National Research University, 85, Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation*

Abstract

This text is a response to the article written by A.D. Maidansky (Siberian Journal of Psychology. 2020. 76) [2] and aims to update the discussion of controversial aspects of cultural and activity psychology, especially some of the provisions of the activity theory by A.N. Leontiev and his scientific school, which, in contrast to the creative heritage of L.S. Vygotsky, are now rarely considered in both foreign and domestic literature.

The article analyses the solution of the problem of correlation between "affect" (motivational and emotional component of mental life) and "intellect" (cognitive processes) in this scientific school. It is shown that the definition of the mind as an orienting activity (A.N. Leontiev, P.Ya. Galperin, etc.) does not imply the reduction of mental processes to cognitive ones, since any orienting process is always affectively loaded. Sensations are not separated from affects already in the primary forms of sensitivity that arise in phylogeny. However, even at later stages of mental development, a similar unity is maintained, although the mental life (including emotional states) becomes more differentiated. It is shown that this unity of the subject's knowledge of the object and the subject's attitude to this object is best represented in A.N. Leontiev's scientific school in the definition of mental phenomena through the category of sense.

Since affect (emotion in the broad sense of the word) is a subjective form of motivation, the problem of "mastering affects" is transformed in the school of A.N. Leontiev into the problem of awareness (comprehension) of the motives of a person's activity and possible restructuring of the hierarchy of motives, which is best represented in the situation of an act. The act as a responsible and free action of a personality is performed by choosing one of the meaningful motives, which acquires a new sense (and thus an additional motivating force) due to the inclusion of this motive in a higher system of values, in the limit – in universal values. And since, according to Leontiev's scientific school, in the activity of any person the "motivational-emotional" ("affect") and cognitive ("intellect") components are inseparable, they are usually proportional to each other: the higher forms of emotional regulation, overcoming the lower ones, correspond with the higher forms of knowledge of the world as a whole. The author sees a clear parallel of these ideas with B. Spinoza's arguments about "Amor Dei intellectualis". Thus, the formula of B. Spinoza – L. S. Vygotsky about free will as

¹ This work has been supported by the grants the Russian Science Foundation, RSF (project No. 20-18-00028).

a reasonable mastery of affects discussed in the article by A. D. Maidansky is clarified and filled with concrete psychological content.

Keywords: activity; mind; motive; affect; orienting activity; sense; act; personality; activity approach in psychology.

References

1. Yaroshevsky, M.G. (1983) Opponentnyy krug i nauchnoe otkrytie [The opponent circle and scientific discovery]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 49–61.
2. Maidansky, A.D. (2020) Ontogenesis of the Human Psyche and Language in the Works of Evald Ilyenkov. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 76. pp. 20–31. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/76/2
3. Sokolova, E.E. (2019) How A.N. Leontiev Revived Spinozism in Marxist Psychology, or On the Implicit Philosophical Basis of the Theory of Activity. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 16(4). pp. 654–673. (In Russian). DOI: 10.17323/1813-8918-2019-4-654-673
4. Leontiev, A.N. (2005) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl.
5. Leontiev, A.N. (2000) *Lektsii po obshchey psikhologii* [Lectures on General Psychology]. Moscow: Smysl.
6. Galperin, P.Ya. (2002) *Lektsii po psikhologii* [Lectures on Psychology]. Moscow: KDU; Vysshaya shkola.
7. Vilyunas, V.K. (2006) *Psikhologiya razvitiya motivatsii* [Psychology of Motivation Development]. St. Petersburg: Rech'.
8. Leontiev, A.N. (1994) *Filosofiya psikhologii: iz nauchnogo naslediya* [Philosophy of Psychology: From the Scientific Heritage]. Moscow: Moscow State University.
9. Sokolova, E.E. (2003) K probleme neprotivorechivogo opredeleniya predmeta psikhologii v shkole A.N. Leont'eva [On a consistent definition of the subject of psychology at A.N. Leontiev's school]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 2. pp. 32–49.
10. Leontiev, D.A. (2005) Novye gorizonty problemy smysla v psikhologii [New horizons of the problem of psychology meaning]. In: Leontiev, D.A. (ed.) *Problema smysla v naukakh o cheloveke (k 100-letiyu V. Frankla)* [The problem of meaning in the Humanities (to the centennial of V. Frankl)]. Moscow: Smysl. pp. 36–49.
11. Patyaeva, E.Yu. (2018) *Porozhdenie deystviya: kul'turno-deyatelnostnyy podkhod k motivatsii cheloveka* [The Generation of Action: A Cultural-Activity Approach to Human Motivation]. Moscow: Smysl.
12. Sokolova, E.E. (1998) K opredeleniyu ponyatiya “psikhicheskaya deyatelnost'”: teoreticheskiy analiz diskussii mezhdru A.N. Leont'evym i P.Ya. Gal'perinym [On the concept of “mental activity”: a theoretical analysis of the discussions between A.N. Leontiev and P. Ya. Galperin]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 4. pp. 3–13.
13. Nechaev, N.N. (2003) A.N. Leont'ev i P.Ya. Gal'perin: dialog vo vremeni [A.N. Leontiev and P. Ya. Halperin: A Dialogue in Time]. *Voprosy psikhologii*. 2. pp. 50–69.
14. Zinchenko, V.P. (2011) Petr Yakovlevich Gal'perin: ot deystviya s zadannymi svoystvami k svobodnoy mysli [Petr Yakovlevich Galperin: from action with given properties to free thought]. In: Shchedrina, T.G. (ed.) *Stil' myshleniya: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya: k 80-letiyu Vladimira Petrovicha Zinchenko* [A style of thinking: the problem of the historical unity of scientific knowledge: to the 80th anniversary of Vladimir Petrovich Zinchenko]. Moscow: ROSSPEN. pp. 387–412.
15. Leontiev, D.A. (1990) Nauchnyy arkhiv: Diskussiya o problemakh deyatelnosti [The scientific archive: A discussion about the problems of activity]. In: Davydov, V.V. & Leontiev, D.A. (eds) *Deyatel'nostnyy podkhod v psikhologii: problemy i perspektivy*

- [Activity Approach in Psychology: Problems and Prospects]. Moscow: APS USSR. pp. 134–169.
16. Moscow State University. (1948) *Protokoly №№ 3–5 sovmestnykh zasedaniy Uchenogo soveta Instituta psikhologii i kafedry psikhologii MGU im. M.V. Lomonosova po ob-suzhdeniyu knigi A.N. Leont'eva "Ocherk razvitiya psikhiki"* [Minutes No. 3–5 of joint meetings of the Academic Council of the Institute of Psychology and the Department of Psychology of Moscow State University on the discussion of A.N. Leontiev's "A Sketch of the Psychic Development"]. The RAO Archive. Fund 82. List 1. File 103.
 17. Tikhomirov, O.K., Babaeva, Yu.D., Berezanskaya, N.B., Vasiliev, I.A. & Voyskunsky, A.E. (1999) *Razvitie deyatel'nostnogo podkhoda v psikhologii myshleniya* [Development of activity approach in the psychology of thinking]. In: Voyskunsky, A.E., Zhdan, A.N. & Tikhomirov, O.K. (eds) *Traditsii i perspektivy deyatel'nostnogo podkhoda v psikhologii (shkola A.N. Leont'eva)* [Traditions and prospects of activity approach in psychology (A.N. Leontiev's school)]. Moscow: Smysl. pp. 191–234.
 18. Leontiev, A.A., Leontiev, D.A. & Sokolova, E.E. (2005) *Aleksey Nikolaevich Leont'ev. Deyatel'nost', soznanie, lichnost'* [Aleksey Nikolaevich Leontiev. Activity, Consciousness, Personality]. Moscow: Smysl.
 19. Leontiev, A.N. & Luria, A.R. (1956) *Psikhologicheskie vozzreniya L.S. Vygotskogo* [L.S. Vygotsky's psychological views]. In: Vygotsky, L.S. & Luria, A.R. (eds) *Izbrannyye psikhologicheskie issledovaniya: Myshlenie i rech'. Problemy psikhologicheskogo razvitiya rebenka* [Selected Psychological Research: Thinking and Speaking. Problems of a Child's Psychological Development]. Moscow: APS RSFSR. pp. 4–36.
 20. Vygotsky, L.S. (2017) *Zapisnye knizhki. Izbrannoe* [Notebooks. Selected Works]. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitatsiya".
 21. Leontiev, A.N. (2013) Interview with Aleksey Nikolaevich Leontiev by Michael G. Yaroshevsky. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 4. pp. 2–25. (In Russian).
 22. Leontiev, A.N. (1993) *Volya* [Will]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 2. pp. 3–14.
 23. Stolin, V.V. (1983) *Samosoznanie lichnosti* [Self-awareness of the Individual]. Moscow: Moscow State University.
 24. Sokolova, E.E. (1999) *Idei A.N. Leont'eva i ego shkoly o postupke kak edinitse analiza lichnosti v ikh znachenii dlya istoricheskoy psikhologii* [The ideas of A.N. Leontiev and his school about the act as a unit of personality analysis in their meaning for historical psychology]. In: Voyskunsky, A.E., Zhdan, A.N. & Tikhomirov, O.K. (eds) *Traditsii i perspektivy deyatel'nostnogo podkhoda v psikhologii (shkola A.N. Leont'eva)* [Traditions and prospects of activity approach in psychology (A.N. Leontiev's school)]. Moscow: Smysl. pp. 80–117.
 25. Gippenreiter, Yu.B. (2006) *Deyatel'nostnyy podkhod k vole: al'ternativy* [Activity approach to will: alternatives]. In: Leontiev, A.A. (ed.) *Psikhologicheskaya teoriya deyatel'nosti: vchera, segodnya, zavtra* [Psychological Theory of Activity: Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow: Smysl. pp. 80–91.
 26. Leontiev, D.A. (1997) *Ocherk psikhologii lichnosti* [Essay on the Psychology of Personality]. 2nd ed. Moscow: Smysl.
 27. Ivannikov, V.A. (1991) *Psikhologicheskie mekhanizmy volevoy regulyatsii* [Psychological Mechanisms of Volitional Regulation]. Moscow: Moscow State University.
 28. Elkonin, B.D. (1989) *O prirode chelovecheskogo deystviya* [On the nature of human action]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 4. pp. 25–39.
 29. Elkonin, B.D. (1994) *Vvedenie v psikhologiyu razvitiya (v traditsii kul'turno-istoricheskoy teorii L.S. Vygotskogo)* [An introduction to developmental psychology (in the tradition of Vygotsky's cultural-historical theory)]. Moscow: Trivola.

30. Leontiev, D.A. (1997) Samorealizatsiya i sushchnostnye sily cheloveka [Self-realization and the essential forces of a person]. In: Leontiev, D.A. & Shchur, V.G. (eds) *Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumanisticheskaya perspektiva v postsovetskoj psikhologii* [Psychology with a human face: a humanistic perspective in post-Soviet psychology]. Moscow: Smysl. pp. 156–176.
31. Petrovsky, A.V. & Petrovsky, V.A. (1982) Individ i ego potrebnost' "byt' lichnost'yu" [The individual and their need to "be a person"]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 44–53.
32. Leontiev, D.A. (2007) Stanovlenie samoregulyatsii kak osnova psikhologicheskogo razvitiya: evolyutsionnyy aspekt [The formation of self-regulation as the basis of psychological development: an evolutionary aspect]. In: Morosanova, V.I. (2007) *Sub'ekt i lichnost' v psikhologii samoregulyatsii* [Subject and personality in the self-regulation psychology]. Moscow; Stavropol: RAO; SevKavSTU. pp. 68–84.
33. Vygotsky, L.S. (1986) Konkretnaya psikhologiya cheloveka [Concrete human psychology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 1. pp. 52–65.
34. Petrovsky, A.V. (1987) *Psikhologiya razvivayushcheyasya lichnosti* [Psychology of the developing personality]. Moscow: Pedagogika.
35. Leontiev, A.N. (1983) *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Works on Psychology: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika. pp. 381–385.
36. Leontiev, D.A. (2010) Lichnost' v nepredskazuemom mire [Personality in an unpredictable world]. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 5(3). pp. 120–140.
37. Leontiev, D.A. (2006) Lichnost' kak preodolenie individual'nosti: kontury neklassicheskoy psikhologii lichnosti [Personality as overcoming individuality: the contours of non-classical personality psychology]. In: Leontiev, A.A. (ed.) *Psikhologicheskaya teoriya deyatel'nosti: vchera, segodnya, zavtra* [Psychological Theory of Activity: Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow: Smysl. pp. 134–147.
38. Spinoza, B. (1957) *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat. pp. 359–618.

*Received 31.07.2020; Revised 10.09.2021;
Accepted 13.09.2021*

Elena E. Sokolova – Associate Professor, Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Research Assistant, Belgorod State National Research University. D. Sc. (Psychol.), Associate Professor.
E-mail: ees-msu@mail.ru